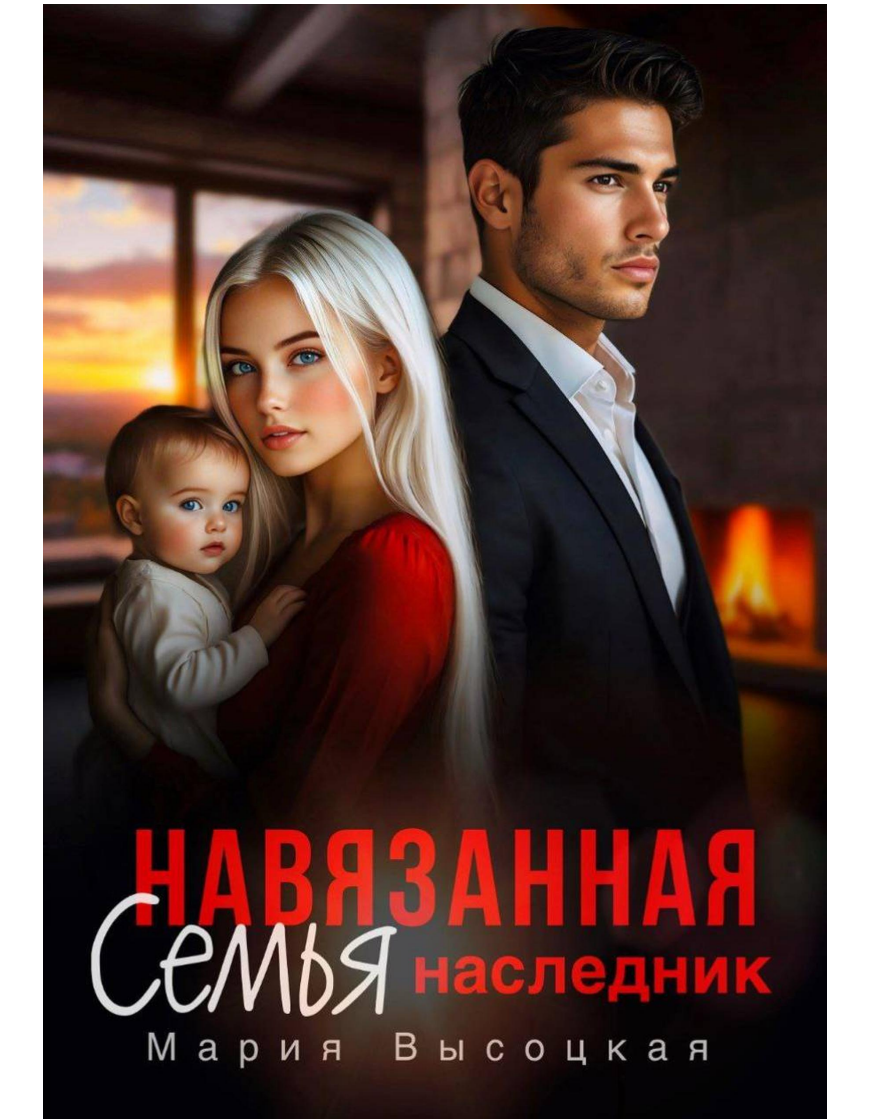

A family portrait featuring a man, a woman, and a baby. The man, with dark hair and a light beard, is wearing a dark suit and a white shirt, looking off to the side. The woman, with long blonde hair and blue eyes, is wearing a red top and holding a baby. The baby, with blonde hair and blue eyes, is wearing a white shirt and looking towards the camera. They are in a room with a fireplace and a window showing a sunset.

НАВЯЗАННАЯ Семья наследник

М а р и я В ы с о ц к а я

Мария Высоцкая

Навязанная семья. Наследник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73027706

SelfPub; 2025

Аннотация

Дмитрий Астахов не любит никого, кроме себя. Мы были вместе всего три месяца, а потом расстались. Он два года ничего и слышать обо мне не хотел. Но теперь, когда он идет в политику и его команда раскопала мою тайну, Дима решил до нас снизойти.

Мы с сыном для него – просто навязанная семья, чтобы не портить имидж...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мария Высоцкая Навязанная семья. Наследник

Глава 1

Карина

– Ты уже видела, что Астахов в политику идет? – спрашивает сестра, размешивая сахар в чашке кофе. – Вторую неделю его рожу по телику крутят. Еще и все паблики рекламой забили. Рассказывают, какой он хороший человек.

– Нет. Да мне это и не интересно, – пожимаю я плечами.

Марина думает, что я до сих пор по нему страдаю, но это абсолютно не так. Я его ненавижу!

Мы с Астаховым встречались пару месяцев два года назад. Он уже тогда был высокомерным, заносчивым гадом, в которого я, несмотря ни на что, влюбилась.

С тех пор мы ни разу даже не столкнулись, потому что... просто негде было. Нет у нас никаких общих знакомых и вообще мест, где мы могли бы увидаться.

Максимально разные круги общения и жизни. Впрочем, это совсем не удивительно. Он уже тогда был успешным бизнесменом, а я – простой студенткой...

– Я бы на твоём месте подпортила ему жизнь. После всего, что он сделал...

– Марин, – бросаю на сестру строгий взгляд, – давай закроем тему.

– Да без проблем! Просто с такими уродами нужно их же методами!

– Я не хочу его видеть.

– А когда Илюшка лет через пять спросит у тебя, кто его папа, что врать будешь?

– Марин! – шиплю сквозь зубы, вытаскивая из пакета кушочек зернового хлеба.

– Ладно, прости. Больше не буду. Просто он даже на порог тебя тогда не пустил. Как тот козел тебе тогда сказал? – Марина морщит лоб, явно напрягая память.

Отворачиваюсь, перемещаясь в тот день...

Я узнала о беременности случайно. Мне стало плохо на паре, и я пошла в медпункт, где меня «обрадовали» без всяких тестов. Нет, тест я, конечно, сделала в тот же день, шокированная этим событием.

Астахова на тот момент в городе не было. Он улетел на какие-то важные переговоры в Азию, и связаться с ним лично у меня не получилось. Но даже когда он вернулся, его телефон продолжал быть «не абонентом».

Я, испуганная до икоты своим положением, поехала к нему домой, но меня там и правда даже на порог не пустили. Астахов не вышел лично. Нет.

Ко мне спустился Журавлев, его друг и партнер по бизнесу. Он в грубейшей форме дал понять, что такие, как я, с мнимыми беременностями сюда пачками ходят...

Доказывать я ничего не стала. Развернулась и просто ушла.

Было страшно.

Страшно рассказать родителям, страшно смотреть в будущее... страшно остаться одной.

Теперь, оглядываясь на свое прошлое, я понимаю, что со всем справилась. Мой сын растет здоровым, крепким парнем. А все остальное – мелочи!

– Давай закроем тему, пожалуйста, – прошу сестру, и на этот раз она и правда успокаивается.

– Ладно. Прости. Я просто как его рожу вижу, меня перетряхивает. Так бы и плюнула. Чтоб он на этих своих выборах провалился. Нет, ну кто за такого придурка голосовать вообще будет?!

– Они явно состряпают красивую картинку, в которую даже ты согласишься, – улыбаюсь я. – Да и вообще, он детдомовский. У него уже большой козырь в рукаве. Будут давить сначала на жалость, а потом обещать с три короба.

– Да уж, – скисает Маринка. – Так, ладно, я побежала, а то на работу опоздаю.

– Давай, – машу ей рукой и перемещаюсь в нашу с Илюшей комнату.

Мы все живем у родителей. Я с Илюшей, сестра с мужем

и мама с папой. Хорошо, что квартира трехкомнатная...

– Это кто у нас тут такой проснулся? – улыбаюсь сыну и укладываюсь к нему на диван.

Конечно, у нас есть детская кровать, но он в ней не спит. Предпочитает с мамой на разобранном диване, который родители покупали еще восемь лет назад, в мои четырнадцать.

– Выспался? – смотрю на Илюшу, поглаживая его по животу.

Сын широко мне улыбается, а буквально минут пять спустя оттягивает воротник моей футболки в поисках груди.

Пока сын завтракает, в пятнадцатый раз за последние сутки перечитываю письмо с приглашением на собеседование. Найти работу с частичной занятостью, не имея почти никакого опыта, – целый квест. Здесь же большую часть времени я буду на удаленке.

Понятно, что Илья еще маленький, но по факту нас с ним содержат мои родители, и меня это угнетает. Нет, они не попрекают, ни в коем случае. Они безумно любят внука, и нас с сестрой тоже. Но если первый год я еще как-то смирялась с тем, что должна двадцать четыре на семь быть рядом с сыном, сейчас это будто уже не такой весомый аргумент, глядя на то, как мои родители нас тянут.

Илья прекрасно остается с моей мамой, отцом, сестрой и даже Вадькой, ее мужем. По факту мы Илюшку впятером воспитываем. Поэтому если мне и понадобится отлучиться на пару часов из дома, всегда будут люди на подхвате.

– Кариша, я дома, – басит из прихожей папа, а через минуту заглядывает к нам в комнату.

Илья к тому моменту уже наелся и, сидя на кровати, треплет игрушку.

– Кушать будешь? – спрашиваю папу, поднимаясь с кровати.

– Подогрей. Я руки помою и с Илюхой посижу. Ты когда уходишь?

– Через сорок минут. Меня максимум часа два не будет. Нормально?

– Конечно.

– Ты с ночной, я знаю...

– Да я на смене поспал, – улыбается отец. Он работает в полиции, в дежурной части.

Киваю и бегу разогревать завтрак. Пока папа ест, развлекаю сына, параллельно подкрашивая глаза.

Из дома выбегаю минута в минуту. Заворачиваю за угол, чтобы срезать путь до автобусной остановки, и чувствую, как меня хватают под руки.

– Девушка, вы пройдете с нами.

– Кто вы? Что вам... – шепчу, охваченная ужасом, а потом вижу, как в стоящем неподалеку микроавтобусе открывается дверь.

– Ну, привет, Карина...

Глава 2

– Виктор? – моргаю, абсолютно не понимая, что он тут делает.

Виктор Журавлев, одетый в черное пальто и деловой костюм, надвигается на меня спокойной, непоколебимой глыбой. Он и есть тот самый партнер и друг Астахова, который меня тогда не пустил на порог.

Кровь стынет в жилах от его появления. Потому что если Дима меня тогда хоть чуть-чуть любил, то вот его друг открыто ненавидел и презирал. Он и сейчас смотрит на меня тем же безразличным, сканирующим взглядом, будто я грязь под его начищенными ботинками.

Он смотрит на меня с отвращением, а в моей голове проносится тот самый день, когда я пришла, чтобы сообщить Диме о ребенке. Тот самый день, когда Журавлев встретил меня на пороге особняка и бросил сквозь зубы: «Пошла вон отсюда».

– Что ты здесь делаешь? – хрипло шепчу, глядя на него во все глаза, покрываясь холодным потом.

Он делает шаг вперед, и я инстинктивно сжимаюсь, чувствуя болезненный хват охранников на своих руках. Сейчас это все, что осталось от моей воли и гордости... Сейчас я не способна себя отстаивать. Потому что меня держат. Потому что смотрят так, словно я не человек. Потому что пугают до

чертиков одним своим видом...

– Ну, ты уже в курсе, что Астахов идет в политику, – смотрит мне прямо в глаза. – Поэтому теперь тебе нужно подписать кое-какие бумаги. – Он тянется к папке, которую до этого держал под мышкой.

– Что?

– Договор о неразглашении. Никто не должен знать, что у Астахова есть ребенок. Пока.

– Это не его ребенок, – шепчу, чувствуя, как подкашиваются колени.

После всего они еще смеют приходиться ко мне, заявлять права на моего сына и подсовывать какие-то договоры?

– Правда? – его губы расплываются в холодной, лицемерной улыбке. – А вчера ты говорила другое.

– Я?

– Хватит строить из себя дуру, – он резко сует мне в руки раскрытую папку. – Подписывай, Карина, – давит голосом, в котором проскальзывает нетерпение.

Виктор оглядывается и поднимает воротник пальто. Выглядит так, словно ему неуютно здесь находиться. Не рядом со мной, а в нашем районе. Простом, тихом, не имеющем никакого отношения к миллиардерам, в чьих кругах он вертится. Виктор всегда испытывал пренебрежение к обычным людям, несмотря на то, что они с Астаховым сами поднялись с самых низов.

Смотрю на его каменное лицо, которое стало олицетворе-

нием моего унижения, и понимаю, что эти документы станут моим молчаливым согласием на все, что они потом со мной вздумают сделать.

Моя рука сама тянется к ручке. Пальцы обхватывают холодный металл, и я чувствую, как что-то внутри меня ломается.

– Ты долго будешь ломать эту комедию? – раздражается Журавлев. – Хотя я всегда знал, что ты дура, но чтобы настолько. Звонить к нам в офис с угрозами и думать, что мы тебя не найдем?

Его слова обрушиваются на меня ледяной лавиной. В глазах темнеет, а в ушах начинает звенеть.

– Я... я не звонила, – лепечу в полном смятении. – Какие угрозы?

– Мы вышли на тебя меньше чем за сутки по адресу регистрации. Чем ты вообще думала? Не получилось нагнуть Димку в прошлый раз, поэтому решила подсуетиться снова? Денег захотела?

Кто-то... кто-то позвонил им и назвался мной? Кто-то, кто знает про Илью? Ледяная стрела страха пронзает меня насквозь. Кто мог это сделать?

– Ты правда думала, что тебе заплатят?

Виктор смеется, а у меня все внутренности узлом завязываются.

– Глупо, Карина. Очень и очень глупо.

Глава 3

Смотрю на него, и мой взгляд, еще секунду назад полный слез, становится таким же холодным, как у Виктора. Расправляю плечи, выпускаю ручку из пальцев и четко произношу:

– Я не буду ничего подписывать.

Журавлев прищуривается, словно не верит своим ушам. Демонстративно и насмешливо прикладывает ладонь к уху, склоняясь надо мной.

– Чего? Я что-то не расслышал?!

– Я не подпишу, – цежу сквозь зубы.

Может быть, я пожалею. Может быть! Но я не пойду у него на поводу, не стану их марионеткой.

– Нет? – Виктор застывает, а его надменная маска на секунду сползает, обнажая чистое недоумение.

– Я понятия не имею, кто и зачем звонил в ваш офис, но это была не я!

Делаю шаг вперед, и охранники, ошеломленные моей внезапной переменой, инстинктивно ослабляют хватку.

– Ты, кажется, понятия не имеешь, с кем связываешься, дура! – шипит Журавлев мне в лицо.

– Не знаю? Поверь, я в курсе. Ты просто цепной пёс, который лает по команде Астахова, воображая, что он тебе друг! – зло шепчу, слыша в своем голосе сталь. – Ты всегда

выполнял за него всю грязную работу. Знаешь, я об этом не задумывалась никогда, но что, если это была твоя инициатива тогда? Что, если ты не пустил меня тогда в дом не по указу Димы? – выпаливаю какие-то бредни. Чтобы Астахов и не знал? Смешно!

Виктор молчит, стиснув зубы, испепеляя меня яростным взглядом.

Хватаю воздух губами, чтобы закончить свой дерзкий монолог. Силы уже на исходе, а я не договорила.

Дергаю руками, чтобы высвободить их из хватки охранников, и на этот раз мне позволяют это сделать.

Мельком обвожу взглядом свои ладони, а потом впиваюсь глазами в Журавлева.

– Передай Астахову, что если ему что-то от меня нужно... – делаю еще один шаг, сокращая расстояние между нами, – пусть приедет сам, а не присылает непойми кого...

Скулы Виктора белеют от напряжения и ярости. Он готов разорвать меня на части прямо сейчас.

– Ты сильно пожалеешь об этом, – выдавливаю сквозь стиснутые зубы, касаясь напоследок моей щеки ладонью.

– Я уже давно пожалела, что связалась с вами, – шепчу в ответ и, круто развернувшись на пятках, поворачиваюсь к нему спиной.

Каждый мускул в моем теле напряжен в ожидании, что Виктор выйдет из себя. Что ударит, схватит, закричит. Но ничего не происходит. Я слышу, как хлопают двери машины,

и, ускорив шаг, иду обратно к дому.

Плечи подрагивают, пальцы на руках тоже. Я чувствую, как по щекам начинают катиться слезы. Это все страх. Он такой сильный, что я еле-еле смогла его побороть. Буквально десять минут – и меня снова придавливает к земле.

Я не знаю, что будет дальше. Не знаю, чем все это закончится.

Я иду. Не бегу, не спотыкаюсь, а именно иду. Шаг за шагом. И только когда заворачиваю за угол, понимая, что он меня не видит, ноги подкашиваются. Прислоняюсь к шершавой стене старого дома, и меня начинает трясти крупной, неконтролируемой дрожью. Только сейчас до меня доходит, что я натворила. Я объявила войну людям, у которых нет никаких принципов.

В ушах звенит от собственной дерзости. Я только что назвала Виктора Журавлева цепным псом. Я бросила вызов Астахову.

Точно дура.

Что я вообще наделала?

Они не оставят это просто так.

Астахов... он же придет. Теперь точно. Я в этом почти не сомневаюсь. Вопрос только когда...

Глава 4

Дрожь понемногу отступает, сменяясь ледяным спокойствием.

Да, я боюсь. До тошноты, до дрожи в коленях. Но теперь этот страх меня не парализует, нет. Наоборот, он заставляет мозг работать быстрее.

Отталкиваюсь от стены, вытираю тыльной стороной ладони мокрые щеки и глубоко вдыхаю. На дворе глубокая осень. Ночью температура уже давно опускается ниже нуля. Ледяной ветер пробирает до костей и раздувает волосы, превращая укладку в птичье гнездо.

Шмыгаю носом, выдыхаю и понимаю, что вопрос «Что я наделала?» становится неактуальным.

Панический, почти парализующий страх отступает, и ему на смену приходит холодная, расчетливая рациональность.

Я должна понять, что мне делать дальше. Как себя вести. Как обезопасить нас с сыном.

Дотерев остатки слез, достаю телефон и звоню в фирму, куда меня пригласили на собеседование. Долго извиняюсь, что опоздаю из-за сломавшегося транспорта. Вру, но, вроде, выходит убедительно. В итоге эйчар входит в мое положение и переносит собеседование на завтра.

Благодарю за понимание, скидываю звонок и почти бегом возвращаюсь домой.

Когда захожу в квартиру, понимаю, что вернулась в свою крепость. Здесь не страшно. Здесь всегда поймут и поддержат. Здесь защитят и будут просто любить.

– Карин? – слышу папин голос позади. – Ты чего так рано вернулась?

– Пап, – разубаюсь, не поворачиваясь к нему, – на завтра собеседование перенесли, у них там какое-то срочное совещание.

– А, ну понял. Мы с Илюхой играем.

– Я подойду сейчас, руки помою, – тараторю, до сих пор не повернувшись к папе лицом.

Когда слышу его шаги, выдыхаю, снимаю верхнюю одежду, быстро прячу в шкаф и перебежками добираюсь до ванной.

Там тщательно умываю лицо, глубоко дышу и, нацепив улыбку, иду в комнату.

Илюша, сидя на полу, с восторгом катит машинку. Он поднимает на меня глаза, и его лицо озаряется улыбкой.

– Ма!

Вот он. Мой любимый мальчик. Человечек, ради которого я преодолею все трудности. Подхожу к коврику, опускаюсь на колени и крепко-крепко обнимаю его, закрывая своим телом, как щитом.

– Дочь, я вздремну схожу, – предупреждает папа.

– Конечно, иди, – часто киваю и беру у Ильи из рук машинку, которую он мне протягивает.

Часа через два дверь в квартире хлопает, и я вижу в дверном проеме нашей с Илей спальни голову сестры.

– Ну как собеседование? Я на обед специально домой прибежала, рассказывай, как прошло.

– На завтра перенесли.

Поднимаюсь, беру Илью на руки, и он тут же обнимает меня за шею своими пухлыми ручками.

– Посидишь с Илюшей завтра пару часов? Ты же выходная.

– Конечно! – сестра сразу оживляется.

Илюшу в нашем доме любят все. Души в нем не чают.

– Спасибо, Марин.

Благодарю сестру, меняю Илье подгузник перед тем, как уложить на дневной сон, и, пока занимаюсь этим, в голове складывается план.

Я пойду не только на собеседование. Нет. Еще завтра я пойду в юридическую консультацию, чтобы узнать, как можно противостоять таким, как Астахов.

Я не позволю ему испортить нам жизнь. Ни за что!

Укладываю Илюшу на кровать и ложусь рядом с ним.

Пока сын присасывается к груди, открываю браузер в телефоне и вбиваю в поиск: «Юристы по семейному праву».

Глава 5

Как только Илюшино дыхание становится ровным и глубоким, я аккуратно накрываю его одеялом и, стараясь не издать ни звука, выхожу из комнаты, плотно прикрывая за собой дверь.

Маринка еще тусуется дома, отлынивая от работы, и без зазрения совести жарит котлеты на ужин. Сегодня ее очередь готовить.

– О, уснул? – спрашивает, как только я захожу на кухню.

– Уснул, – киваю, чувствуя страшную усталость.

Всему виной встреча с Журавлевым, будь он неладен!

– Чай будешь, Карин? – бросает сестра через плечо, а когда поворачивает голову, видимо, замечает мое выражение лица. – С тобой все в порядке? – Она откладывает лопаточку и нажимает кнопку на чайнике.

Пожимаю плечами и, подойдя к столу, опускаюсь на стул.

Сестра начинает суетиться вокруг: ставит чашки, заглядывает в сковороду со шкварчащими котлетами, а потом вытаскивает из холодильника пирожные.

– Мам вчера купила, – трясет коробку.

– Класс, – улыбаюсь, но получается неискренне.

Почему-то только сейчас мне в голову приходит одна простая вещь – Маринка утром первая заговорила про Астахова. Мы не вспоминали о нем последний год точно. По крайней

мере, вслух даже имени его не называли, а теперь она почему-то о нем заикнулась. Почему?

Виктор сказал, что я звонила им в офис и угрожала. Он был в этом уверен.

А что, если это Марина? Может быть, она поэтому про Димку утром и вспомнила?

– Марин...

– М?

– Почему ты утром говорила про Диму?

Маринка на секунду замирает, и ее брови съезжаются к переносице.

– Этого козла? Да не знаю, к слову пришлось, – хмурится. – О нем в последнее время из каждого утюга трубят. Выбесил. Сидит там, весь такой лощеный, рассказывает, как пролетариату уровень жизни поднимет. Врет и не краснеет, урод!

Марина всегда была вспыльчивой и более эмоциональной, чем я, поэтому подозревать ее в шантаже я будто бы не имею права. К тому же, она моя сестра и никогда бы так не поступила, не сказав мне. Ведь правда?

– А что, Кари?

– Я сегодня видела Журавлева, – произношу полушепотом, и Маринка роняет из рук лопаточку.

– Чего? Когда? Где?

– У нас во дворе. Он приезжал. С охраной.

Зажмуриваюсь. Леденящий ужас той сцены накатывает по

второму кругу, и мне приходится сильно постараться, чтобы взять себя в руки.

Первые минуты я даже не могу произнести ни слова. Молчу, глядя на свои пальцы, умиротворенно лежащие на коленях. Но это лишь с виду. На самом деле костяшки так напряжены, что я не смогу их сейчас согнуть.

– Что ему было нужно? – шепчет Маринка, прикрывая дверь на кухню, и садится на табурет рядом со мной.

Хватаю воздух и, чуть ли не заикаясь, рассказываю ей обо всем, что мне сегодня сказали. Про договор, про угрозы, про то, что кто-то, назвавшись мной, решил их шантажировать.

Марина сидит все это время молча и неподвижно. Смотрит на меня, поджав губы, и ее плечи с каждым новым словом напрягаются все сильнее.

– Ты правильно сделала, что не стала ничего подписывать. После всего эти гады просто не имеют права диктовать тебе условия. Слышишь?

Маринка вскакивает с табурета и обнимает меня со спины, немного навалившись на меня своим весом.

– Может, в полицию пойти? Они же угрожали...

– Кто это может подтвердить? – спрашиваю не своим голосом. – Я хочу проконсультироваться с юристом. Найду хорошего, и он точно скажет, что мы можем сделать в такой ситуации.

– Да, ты права. У них деньги, связи, адвокаты. Полиция нам не поможет. Каришь, ты главное помни, – крепко обни-

мает меня за плечи, – у тебя есть мы, и мы все на твоей стороне. Слышишь? Мы не позволим им тебя тронуть. Ни тебя, ни Илюшу!

– Спасибо, – шепчу на выдохе. – У тебя завтра выходной, ты посидишь с Илюшей? Я сбегаю на собеседование, а потом поеду к юристу. Ладно?

– Конечно.

– Только не говори маме про Астахова, про то, что Виктор приезжал. Она будет волноваться.

– Карин, – Маринка закатывает глаза, – это даже не обсуждается.

– У нас с Вадькой в копилке приличная сумма, ну, та, что на первоначальный взнос. Мы тебе поможем. На хорошего юриста должно хватить, если все до суда дойдет.

– Он не допустит суда, я думаю. Ему не нужен скандал и все эти разбирательства. Да и не могу я брать у вас деньги...

– Ты моя сестра. Это не обсуждается, – грозно отрезает Марина. – Ерунду не городи. Кто поможет, если не семья?

– Спасибо, – шепчу сквозь слезы, чувствуя облегчение.

Потому что, когда у тебя есть такая семья, все трудности кажутся не такими уж и страшными.

Так я думаю ровно до того момента, пока Дима не звонит мне лично. Это происходит вечером, едва я успеваю уложить ребенка.

Глава 6

Я знаю, что это он. Откуда? Понятия не имею. Просто интуиция.

Оглядываюсь на спящего сына и подношу телефон к уху.

– Алло, – произношу тихо, выходя на балкон и прикрывая за собой дверь.

Первые секунды я слушаю тишину. Она такая густая, что ее почти физически можно потрогать. Его молчание нервирует. Очень.

Но я ошибаюсь.

По-настоящему меня нервирует его голос.

Низкий, пугающий. Из прошлого.

Дима, как и тогда, звучит спокойно, почти лениво, но в каждом звуке, который он произносит, сквозит смертельная уверенность.

– Ты хотела увидеть меня лично, Карина? – спрашивает вкрадчиво, и я чувствую, как по коже бегут мурашки.

Я сглупила. Сильно. На что вообще рассчитывала? Что Журавлев не передаст ему мои слова? Что Дима с его-то эго их проигнорирует? Смешно!

Ежусь и, глотнув воздуха, отвечаю с нервным смешком:

– Судя по тому, что ты звонишь, лично мы не увидимся?

Сама провоцирую, но ничего не могу с собой поделать. Я так зла на всю эту ситуацию и на него.

Мне казалось эти два года, что я забыла. Что отпустила.

Мне казалось, что я на него больше не злюсь, что он для меня просто эпизод, недостойный внимания. А сейчас все перевернулось на сто восемьдесят градусов. Он снова появился в моей жизни, но теперь еще и с обвинениями. С претензиями. С желанием контролировать нашу с Илюшей жизнь.

Он пришел с верой, что он , чертов хозяин жизни. Что я, просто пыль под его ногами и не буду сопротивляться.

Да, два года назад я не сопротивлялась и не боролась. Я просто смирилась с тем, что мы ему не нужны. И для него сейчас было бы лучше, чтобы все так и оставалось. Потому что теперь я не буду молчать. Не буду следовать его указаниям!

Теперь мы будем на равных, несмотря на то, что он этого и не признает.

– Журавлев сообщил, что ты отказалась от нашего предложения. Мне это не нравится, Карина. Очень и очень не нравится.

Стискиваю телефон так, что пальцы немеют, и прикрываю глаза.

«А тебе и не должно нравиться», – вертится на языке, но озвучить пока не хватает сил.

Черт, я не думала, что мне будет так трудно с ним разговаривать. И это только по телефону...

Я была молодой, глупой. Комнатным цветком, у которого

в жизни никогда не было проблем. Дима с первого взгляда мне понравился. Показался хорошим, хоть и до безумия серьезным. Важным таким...

Даже сейчас вспоминаю это с улыбкой. Потому что до сих пор помню то волшебное состояние влюбленности. И потому что, несмотря на всю боль, после этих отношений у меня появился Илья!

– То, что ты скрыла от меня сына, мы обсудим позже, конечно. Пойми, ты уже совершила ошибку, Карина. В прошлом. А сейчас только усугубляешь ситуацию.

– Единственная моя ошибка – это ты! – шиплю, и в голосе слышна агрессия. – И сейчас я ни за что не позволю тебе диктовать, как мне жить. Как нам с сыном жить!

– Позволишь, – его голос внезапно теряет всю притворную мягкость и становится стальным. – Потому что альтернатива тебе не понравится. Ты думаешь, юрист тебе поможет? Не смейся, пожалуйста.

– Я...

– Они все вежливо тебе откажут, – продолжает он, абсолютно меня не слушая. – Я тебе это обещаю. Ты согласишься на все мои условия. И если хоть одна душа узнает о ребенке до того, как я решу, что с вами делать...

Во рту тут же пересыхает. Я чувствую, как почва уходит из-под ног, а картинка перед глазами размывается.

– Ты чудовище.

– Ты сама искала со мной встречи.

– Это не твой ребенок. И это не я звонила в ваш дурацкий офис. Не я! Я просто... просто хотела сказать тебе это лично!

– Возможно, я бы тебе и поверил, но теперь это не имеет значения.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что твоя подпись была бы самым простым и безболезненным решением для всех нас. Особенно для тебя. Но ты выбрала сложный путь. А на сложных путях случаются неприятности, – Дима делает паузу, давая словам просочиться в мое сознание, как яд.

– Что это значит?

– А вот об этом мы с тобой поговорим уже лично. Я у твоего подъезда. Спускайся.

– Сейчас?

– Либо ты спускаешься, либо я поднимаюсь к вам. Познакомлюсь с сыном, с твоими родителями, – усмехается. – Думаю, будет интересно.

– Даже не думай! Не приближайся к моей семье, я...

– Десять минут. Я жду ровно десять минут и поднимаюсь.

Глава 7

Десять минут? Он серьезно?

Хочу возразить, но Астахов не дает мне такой возможности – он просто сбрасывает звонок.

Прикладываю ладонь к груди и чувствую, как бешено бьется сердце. Он не посмеет подняться, правда?

Нет... Он не приемлет правил. Ему плевать, что уже поздний вечер, что ребенок спит, а родители отдыхают после тяжелого рабочего дня. Ему на всех плевать.

Втянув побольше воздуха, я крепко сжимаю в руке телефон и выхожу с балкона. Как жаль, что окна нашей квартиры выходят не во двор. То единственное окно, откуда просматривается подъездная территория, находится в родительской спальне, куда я сейчас точно не пойду.

На выдохе бросаю взгляд на спящего сына и вышмыгиваю из комнаты. На кухне прошу Марину, смотрящую сериал, присмотреть за Ильей, пока я сбегаяю в магазин – мол, у нас закончились бананы, которые мне к утру кровь из носу понадобятся.

Маринка, не почуяв подвоха, обещает не спускать с Илюши глаз. Успокоив свое материнское сердце, я натягиваю ботинки. Куртку напяливаю уже в подъезде, почти бегом несясь по ступеням.

Перед дверью замедляюсь и, нажав на кнопку, выхожу на

улицу с таким видом, будто и не бежала сюда как угорелая минуту назад.

Едва я оказываюсь на улице, машина, стоящая напротив подъезда, мигает фарами.

Это он?

Затаив дыхание, делаю шаг и, оглянувшись на родительское окно, юркаю в теплый кожаный салон.

Я не видела Диму два года, но запах его туалетной воды помню до сих пор. Именно он заставляет отмотать назад время, и перед глазами встают картинки нашей первой встречи.

Я была студенткой. Третий курс. Разгар весны, такой, когда можно уже ходить без колготок под платьем.

Нас собрали в конференц-зале, где предприниматель Астахов должен был читать лекцию как человек, ставший «открытием года». Его бизнес тогда выстрелил, набрав невероятную скорость...

Именно тогда, как я теперь понимаю, он стал медийным. Его везде приглашали, с ним хотели познакомиться. Он был нарасхват.

Я сидела с глупой улыбкой, слушая его взхлеб. Говорил он так, что тебе самой хотелось крушить горы и взбираться на свою вершину успеха. Пылко, горячо, завораживающе.

Ему верили!

Мы переглядывались все время его выступления, потому что я сидела в первом ряду. А когда все закончилось, он под-

мигнул мне и ушел.

Это было забавно, но самое интересное началось после пар.

Он поймал меня у университета и предложил пообедать. Вот так просто...

Взрослый, красивый, успешный. Разве я могла отказаться?

Я смотрела на него как на бога. Ему было тридцать два, мне – двадцать.

Если честно, до него я встречалась только с ровесниками. Наверное, поэтому меня так тянуло к нему. Он будто понимал меня без слов. Во всем.

– Ну, привет, – прерывает молчание Дима, вырывая меня из воспоминаний.

Поворачиваю голову, глядя на него во все глаза, и чувствую, как в носу щиплет от того самого запаха. Он не сменил туалетную воду. Все тот же древесный, теплый аромат.

– Привет, – киваю, зажимая ладони между коленей.

– Прокатимся?

– У меня ребенок дома спит, поэтому поговорим здесь, – отрезаю, не оставляя права на возражения. Судя по лицу Димы, он такого от меня не ожидал.

– Ла-адно, – произносит, растягивая звук и впиваясь в мое лицо еще более цепким взглядом.

– Я повторю еще раз: я никуда не звонила, никому не угрожала и никого не шантажировала. Понимаешь?

– Тогда кто-то из твоих родственников, – не задумываясь ни на секунду, парирует Астахов.

– Кто? – усмехаюсь. – Ты в своем...

Замираю. Днем меня действительно посещала мысль, что это могла быть Марина. Но...

– Ну вот видишь, мы уже нашли, на кого свалить твою вину, – ухмыляется он. – Тебе этого хочется, как и любой мелкой лгунье, желающей пристроить свой... – Астахов осекается и замолкает. – В общем, мне плевать, кто из вас это сделал. Мне нужна твоя подпись, которая возложит на тебя и твою семью ответственность за распространение слухов.

– Это не твой ребенок! Какая тебе разница? Слухи так слухи.

– Не в моем положении. Просто подпиши бумагу, и я исчезну из твоей жизни.

Дима тянется на заднее сиденье, берет оттуда папку, раскрывает ее и протягивает мне вместе с ручкой.

– Подпиши, и больше никогда не увидишь ни меня, ни кого-то из моей команды, ни моего близкого круга.

– Никогда? – прищуриваюсь, наконец понимая: он и правда не верит, что Илья его сын.

Что ж, мне же лучше!

– Никогда.

– Ладно, – сжимаю ручку в пальцах и ставлю свою подпись.

– Отлично, Карина. Так бы сразу, – он улыбается. – А, –

снова тянется на заднее сиденье, – это тебе. – Протягивает мне коробку. – Точнее, твоему сыну.

– Зачем?

– Я и правда собирался к вам зайти, если бы ты оказалась неговорчивой. А без подарков в гости не ходят.

Глава 8

Дима

– Нам не нужны твои подарки, – бормочет Веселова, даже не глядя на коробку.

– Выбросишь по дороге, – кладу ей на колени и, обхватив руль пальцами, снова изучаю ее лицо.

Карина за эти два года ни капли не изменилась. Вообще.

Ощущение, будто мы только вчера прощались в аэропорту, а теперь у нее есть ребенок, за счет которого она решила полегкому срубить с меня бабла, устроив публичный скандал.

Электорат очень щепетильно относится к теме семьи и детей. Поэтому все поползновения Веселовой нужно было обрубить на корню.

Людям плевать, что я к этому мальчишке не имею никакого отношения. Никто не будет вникать и читать опровержения.

Глупо с ее стороны было звонить в мой офис. Глупо!

Карина клянется, что этого не делала, но я не склонен повторять свои ошибки. В прошлом вера в нее мне слишком дорого обошлась.

Журавлев сразу предупреждал: отношения со студенткой, которая буквально заглядывала мне в кошелек закончатся плохо. В принципе, так и вышло.

Пока я был в командировке в Китае, моя божественная Карина с ангельским взглядом приперлась на квартиру к моему лучшему другу с бутылкой вина и предложением стать чуть ближе...

Девочка, которую я считал той самой, просто позарилась на бабло и оказалась легкодоступной.

Витька позвонил мне в тот же вечер и все рассказал.

Я злился. Очень. Но выяснять отношения, устраивать разборки в тот момент означало опуститься до ее уровня.

Проще было навсегда вычеркнуть ее из своей жизни.

Я заблокировал ее, а когда вернулся, у нее еще хватило наглости приехать ко мне домой.

Хорошо, что в тот момент рядом был Журавлев. Он вышел к ней. Я же просто боялся, что не сдержусь и придушу ее. Прямо там. Девочку, на которой хотел жениться спустя пару недель знакомства.

Она оказалась гениальной актрисой.

Даже сейчас продолжает играть. Сидит, строит из себя мученицу. Униженную, оскорбленную. Хлопает этими огромными голубыми глазами и периодически кусает губу.

Все такая же милая внешне и отвратительная внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.